

Владимир Токмаков
Танец маленьких
королей

Алена Бабанская
Черно-белые
строчки

Денис Банников
Тени

Феликс Чечик
Соответствия годам

Ася Пекуровская
«И простор голубеет,
как бельё с
кружевами»

Радна Фабиас
Мои полости пусты

№5 2021 [№164]

ЮНОСТЬ

ISSN 2688-7363
9 770869 736006

Ирина Хургина

главный редактор

Глеб Шульпяков

заместитель главного редактора

Дмитрий Тонконогов

ответственный секретарь
заведующий отделом поэзии

Егор Ходеев

главный художник

Анна Сазанова

верстка

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"НОВАЯ ЮНОСТЬ"

© ЖУРНАЛ
"НОВАЯ ЮНОСТЬ"

[НО]

Татьяна Бобрынина

генеральный директор

	ВЛАДИМИР ТОКМАКОВ ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ КОРОЛЕЙ <i>Фрагмент из романа</i>	3
	АЛЕНА БАБАНСКАЯ ЧЕРНО-БЕЛЫЕ СТРОЧКИ <i>Стихотворения</i>	41
	ДЕНИС БАННИКОВ ТЕНИ <i>Рассказ</i>	44
	ВЛАДА БАРОНЕЦ МОДЕЛЬ РОССИИ <i>Стихотворения</i>	57
	МИХАИЛ МОСКАЛЕВ КВАРТИРА <i>Рассказ</i>	60
	ФЕЛИКС ЧЕЧИК СООТВЕТСТВУЯ ГОДАМ <i>Стихотворения</i>	69
Штудии	АСЯ ПЕКУРОВСКАЯ «И ПРОСТОР ГОЛУБЕЕТ, КАК БЕЛЬЕ С КРУЖЕВАМИ» <i>Эссе</i>	72
	РАДНА ФАБИАС МОИ ПОЛОСТИ ПУСТЫ <i>Стихотворения. Перевод с нидерландского Нины Тархан-Моурави</i>	83

Владимир Токмаков

ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ КОРОЛЕЙ

(фрагмент из романа)

Если кто-то шагает не в ногу, не значит ли это, что ему слышится бой другого барабана? Так не будем мешать ему маршировать под ту музыку, что ему слышится.

Генри Дэвид Торо. "Уолден, или Жизнь в лесу"

Это была мать Герстекера. Она подала К. дрожащую руку и усадила его рядом с собой; говорила она с трудом, и понимать ее было трудно, но то, что она говорила... (На этом рукопись обрывается.)

Франц Кафка. «Замок»

У меня на левом плече татуировка — в розовом сердечке выбито имя «Марта». Я не помню, откуда она взялась, и моя подруга Катя постоянно меня подкалывает:

— Может, «Поздравляю с 8 марта»? И что тебя остановило?

На самом деле ей, конечно, не нравится имя какой-то бабы на моем плече. Это сейчас она шутит, говорит, забей чем-нибудь сверху или срежь лазером. Но скоро наверняка начнет обижаться по-настоящему. И я сделаю так, как она скажет. Но пока пусть будет. А вдруг я что-нибудь вспомню?

— Чем дольше мешаешь, тем чай вкуснее? — спрашиваю за завтраком.

— В смысле? — настораживается Катя.

Думает, у меня едет крыша.

Хорошо, ладно.

Побуду таким, как все.

* * *

После того случая в трамвае память моя восстановилась практически полностью. Это был Новый год, я отмечал его с друзьями

ми. Понятно, крепко выпили. Клубы, праздничный фейерверк, вечеринка на незнакомой хате. Помню, был искренне счастлив. Радовался, что многое в году получилось, строил планы на следующий. В огромной квартире какого-то коммерса были девушки. Молодые, разгоряченные праздником. Многим нравился я, многие нравились мне. Можно было и остаться, но я-то знаю, каково это — просыпаться первого января в чужой квартире. Нет, лучше не травмировать психику.

Я выбрался в третьем часу ночи. Вывалился из подъезда на морозный воздух и увидел трамвай. Он ходил бесплатно всю новогоднюю ночь. И я решил, что поеду на трамвае. Ну и где-то по дороге меня сильно избили.

— И вы ничего не помните? — удивляется молодой следователь.

— Хотя бы где это произошло? — врач.

Реально ничего. Раз, два, три, четыре, пять, я иду себя искать.

На дне бутылки столько утопленников.

В общем, очнулся в больнице. Был, как говорится, между жизнью и смертью. Даже как зовут не помнил. Не узнавал ни родителей, ни знакомых. Тупо глядел на свой паспорт. Кто это? Но постепенно, уже выписавшись, начал вспоминать. Надеюсь, это была моя жизнь. Но провалы все равно остались. Например, вот эта татуировка. Что за «Марта»? Не знаю. Но вдруг это важно для меня? Или для других?

* * *

Вот что было дальше.

Я проснулся от женского вопля.

Кричала моя бедная Катя. Произошло ужасное, я душил ее. Возвращающимся сознанием я увидел ее перепуганное лицо, вытаращенные глаза, раскрытый рот, беззвучный крик. Мои пальцы на ее шее. Потом появился звук, и я отпустил ее. Пять утра, зимнее темное утро. В таком отвратительном утреннем свете, между сном и явью, как в кислоте, растворяются мозги и покрепче моих. Но разве это оправдание?

— Ты конченный придурок. — Она была так напугана, что даже не плакала, только трогала шею. — Одевайся и вали!.. — крикнула

через минуту, придя в себя. — И не приходи, пока не вылечишь голову!

Я молчал, растерянно смотрел на свои большие сильные руки, будто они были и не мои вовсе. Мне было страшно не меньше. «Повесившийся долго шел на дно, — крутилось в голове, — и, оттолкнувшись, выплыл на поверхность...»

Квартира ее, и, в общем, она права.

Я взял зубную щетку и съехал к другу.

Вы спросите, было ли что-то подобное со мной раньше? Нет. Я не псих. И я помню сон, приснившийся той ночью. Меня пытался убить человек в куртке с капюшоном. Он был в маске. Значит, надо все вспомнить, пока не натворил бед. Я не debil, как считают некоторые. Просто обстоятельно все обдумываю, прежде чем ответить. Или, подумав, не отвечаю вовсе. Потому что для меня, в отличие от некоторых, важно, *что* думать и говорить.

* * *

Утренний зимний город тонул в серо-желтом тумане. Ночью приморозило, и деревья в густом инее стали похожи на кораллы. Мы — затонувшая цивилизация. Начало вполне библейской истории.

У меня небольшая комнатенка, кровать, стул и тумбочка, вместо прихожей — крохотная кухня с электроплитой и столиком. Жилье служебное, бывшая советская общага, приватизированная и переделанная в малосемейку. Работаю вахтером. Да-да, не романтично. Но в другом качестве мегаполису-государству я, увы, не нужен.

«А что в тебе, Максимушка, такого особенного? — спрашивает невидимый оппонент. — Все, кому не лень, считают себя недооцененными талантами. А по факту — пшик».

Знаю-знаю. Но оставьте мне хоть мечту, если уж забрали все остальное.

Смотрю в окно, пью кофе. Там, в глубине холодного стекла, кто-то тоже держит чашку. Но мне всегда кажется, что он более настоящий, чем я. Если долго так смотреть, отражение едва заметно ухмыляется в ответ. Нагло, высокомерно. Словно все про меня знает.

Вот, например, во всех нас с детства живет жажда подвига. Бежать с оружием наперевес и криком «Ура!» — навстречу героиче-

ской смерти и посмертной славе. В генах сидит это дерьмо. Конечно, нестись в атаку проще, чем подготовить вовремя годовой отчет... Но был бы у меня выбор, я бы тоже променял свою унылую стабильность, серую однообразную — обычную — жизнь на эйфорию знаменосца, скачущего впереди всех — в опасную неизвестность.

«А кто тебе не дает жить? — опять язвит тот, невидимый. — Смотри, сколько возможностей! И в нашей стране молодые люди живут весело и увлекательно, и с пользой для себя и общества. Потому что они умеют работать в команде, оценивают себя и окружающий мир — ре-а-лис-тич-но».

«Может, это просто ты — скучный, серый и неинтересный?»

Может, и так. Меня вообще часто путают с другими. Останавливают на улице и говорят: «Привет» или «Здравствуйте». А чуть позже: «Ой, извините. просто вы очень похожи на...»

Раньше я радовался, думал, похож на известного актера или телеведущего. Потом только догадался: путают, потому что я похож на всех. А сам начисто лишен какой-либо индивидуальности.

Часто просыпаюсь рано. Люблю тихое, спокойное время перед работой. Можно побыть самим собой — и с самим собой. В этой тишине мир словно залит жидким стеклом — ни одного прохожего. Но всего через десять минут мир прорвет, и он зашумит жильцами на кухнях и в ваннах, хлопающими дверями квартир, гулом лифта. Невыспавшиеся, раздраженные жители города выплеснутся на улицы. Это их мечтами и мыслями питается мой город.

Твоя жизнь — это то, что можно унести под мышкой, все остальное — лишнее, говорит отец. Я с ним не согласен. Мне нужно много, очень много. Деньги, машины, женщины с обложек журналов. Кругосветные путешествия, пентхаусы, шмотки — все, что отличает мое поколение от поколения родителей.

Да, это моя родная провинциальная техническая интеллигентная. Папа — вечный инженер на химкомбинате, мама там же технолог. Так жизнь и прожили. Городские, но с крепкой крестьянской моралью. Не колхозной, а крестьянской. Простые, честные. Я не похож на них.

Помню, в девяностые у нас дома вся еда была из капусты и картошки: жареная, пареная, квашеная; пельмени с капустой, вареники с картошкой, тушеная капуста с картошкой и так далее. Ничего,

выжили. По праздникам собирались гости. Пели про «заводскую проходную, что в люди вывела меня». Женщины налегали на любовную тематику: «Каким ты был, таким ты и остался...» Пели не голосом, а сердцем:

*Огней так много золотых
На улицах Саратова,
Парней так много холостых,
А я люблю женатого.*

Некоторых пробивало на слезу. Святые люди!

Химкомбинат — по безумным советским традициям — построили на берегу степного озера. Градообразующее предприятие чудом не закрылось в девяностые. Родители считают это главной жизненной удачей.

— Тогда город перестал бы существовать! — бледнея, горячится отец.

— Так это же хорошо! — поддразниваю я. — У людей появился бы шанс на новую жизнь.

Что еще было у них в жизни? Папа вспоминает службу на Курилах, а мама поездку в 1985-м по турпутевке в Болгарию (ну, и наше с сестрой появление на свет). Мама привезла из Болгарии гэдэровский джинсовый костюм и набор польских дезодорантов — мне завидовали все друзья.

Так чем же закончилась война поколений?

Нас всех победило будущее.

Оно, как всегда, переиграло и отцов, и детей. Потому что будущее всегда выглядит не так, как мы его себе представляли. Оно выглядит как свершившееся — ненавистное — настоящее.

После школы я уехал в соседний город, поступил в институт культуры. Говорили — талант, даже предлагали остаться в областном молодежном театре. Но я считал, не мой масштаб. Пару лет без толку проболтался в своей унылой провинции и в 2013-м, за год до «крымской весны», приехал в большой — самый большой (так я считал) мегаполис мира.

О, эти дурацкие мечты о карьере киноактера! Мне нравились героические роли рыцарей в горящих золотом доспехах. Но с ра-

ботой в кино или в театре не получилось. Деньги скоро кончились, и тут стало не до шуток.

Родители присылали все, что зарабатывали. Но откуда им знать, что этих денег не хватало даже на квартиру? И я в конце концов нашел работу лифтера. В длинном, как китайская стена, многоэтажном доме, серой бетонной тоской уходящем в мутно-туманное, грязное мокрое небо.

Бригадирша, полная тетка со слоновьими ногами и свистящей одышкой, сказала, что мне повезло. На такую работу в городе не так-то просто устроиться — нужен блат или особое расположение, сказала она. У нее были деньги на сигареты, но она любила папиросы — курила жадно, взятяг, а потом долго кашляла и сопела, сплевывала. Она выбила мне комнату в бывшем советском общежитии, приватизированном и перестроенном. Только тогда я догадался. Эта третья жизнью женщина с собранными в пучок волосами и тяжелым, остановившимся взглядом маленьких, как гвоздики, глаз, имела на меня виды. У нее была биография. Она служила на женской зоне. Имела награды. Как положено, вышла на пенсию. Нрава была крутого. Несколько лет назад ее муж (тоже, говорят, не робкого десятка) сбежал в деревню — не сказав, в какую. Уже на первом дежурстве мы занялись любовью в подсобке.

— Теперь ты, Максик, понял, почему я тебя выбрала?

Мы работали сутки через трое. Такой график меня устраивал, оставалось время для занятий в актерской студии. Вроде ничего сложного: «Все, что делает лифтер, связано с обеспечением бесперебойной работы лифта. Он отвечает за качество работы всей грузоподъемной системы. Если в лифте застряли люди, то, согласно инструкции, лифтер обязан связаться с компанией, курирующей подобные происшествия для проведения эвакуации, и т.д.» В общем, кнопка «Вызов» — это я. Можно сказать, работаю по вызову.

Бригадирша приходила в мое дежурство, и я ее обслуживал. Постепенно привык, обычная рутина, типа общественная нагрузка на работе. Физиология. Зато я никогда не дежурил в выходные — это тоже было ее особым расположением.

* * *

Ночные часы тянутся медленно. В доме везде установлено видеонаблюдение. По совместительству мы еще и консьержи.

Полусонный сижу перед маленькими черно-белыми мониторами и вполглаза оцениваю, что происходит.

А насмотрелся много чего. Вот из клуба вернулся гуляка из здешней «золотой молодежи». У него есть квартира, но он занялся сексом с подругой в одном из коридорных отсеков — так интереснее, какое-никакое, а приключение. Вот на площадке тошнит упившихся пивом, обкуривших подростков. Утром их блевотину замоет уборщица, тихая и незаметная приезжая из Таджикистана.

Бывает, в дом просачивается бомж или наркоман. И вот это уже проблема. Моя проблема.

Бомж может присесть где-нибудь в уголке и навалить кучу. Наркоша попробует ширнуться. Если сейчас же не разобраться, утром жильцы, зажимая носы, будут обходить обмочившегося бомжа или обдолбанного нарика. А меня выпрут с работы.

Поэтому я должен все разруливать.

Однажды поздно ночью в лифте застрял знаменитый режиссер. Тот, что снял «Место встречи изменить нельзя» с Глебом Жегловым и Володей Шараповым. Он не жил в этом доме, пришел в гости. Причем в кабине с ним оказалась юная девица. Я так и не понял, были они парой или случайными попутчиками. «А теперь Горбатый, — шутил режиссер через дверь, когда мы пришли их выручать, — Горррбатый, я сказал!..»

* * *

Дворцы восемнадцатого века и небоскребы, модерн и сталинский ампир. Терема в псевдорусском стиле и конструктивистские застройки двадцатых годов, готические замки и советские панельки. Купеческие особняки и хрущевки, доходные дома и заводские корпуса. Церкви в стиле барокко, католические соборы, мусульманские мечети, древние еврейские синагоги с лабиринтами бесконечно разветвляющихся под старыми кварталами подвалов. Все перемешалось в этом мегаполисе.